

Коллективная монография "Основы африканского языкознания. Именные категории" представляет собой первую книгу в серии исследований, издание которой запланировано отделом африканских языков Института языкознания РАН. Публикации серии, как предполагается, будут содержать основные факты и теоретические построения, характеризующие современный уровень знаний о языках Африки. Авторский коллектив (В.А. Виноградов, И.Н. Топорова, А.Д. Луцков, А.И. Коваль, В.Ф. Выдрин, В.А. Плунгян) избрал структурно-типологический принцип представления языкового материала: каждое издание серии будет содержать описание однотипных категорий в различных языках.

Не является случайным то обстоятельство, что первый том предполагаемой серии содержит описание именных категорий: именные системы африканских языков, а точнее, системы именных классов, присутствующие в большинстве языков Африки, являются, вероятно, их наиболее характерным или по меньшей мере наиболее популярным типологическим свойством: "Африка – это континент классификативных систем, причем ядром функционально-семантического поля классификативности в огромном числе языков является категория именных классов". (с. 6).

Хотя количество языков, материал которых использован в сборнике, относительно невелико, сборник является довольно представительным, т.к. языки, в него попавшие, с одной стороны, принадлежат к различным генетическим группам, и, с другой стороны, обладают различными структурными типами именных систем; в сборнике представлены:

языки банту (раздел, содержащий обзор именных систем банту, написан И.Н. Топоровой) – пожалуй, наиболее известный массив языков с хорошо развитыми системами именных классов, получающих в основном префиксальную маркировку;

язык фула (западно-атлантическая группа нигеро-конголезской семьи; раздел написан А.Н. Коваль), – язык с обширным ареалом распространения, обладающий сложной системой именных классов с преимущественно суффиксальной маркировкой;

язык догон (группа гур нигеро-конголезской семьи; раздел написан В.А. Плунгяном), не имеющий классной системы, но, как показывает автор, выражающий неко-

торые скрытые грамматические противопоставления внутри именной лексики;

язык сонгай нило-сахарской семьи (раздел написан В.А. Виноградовым), обладающий чисто формальными классами имен.

Несколько особняком стоит раздел, написанный В.Ф. Выдриным и посвященный реконструкции системы именных классов группы манде.

Описательные разделы монографии, относящиеся к разным языкам, зачастую затрагивают на разном языковом материале одни и те же вопросы, поэтому мы, следуя принципу построения самой серии "Основы африканского языкознания", кратко рассмотрим основные лингвистические проблемы, затронутые в монографии.

1. Проблема определения именного класса

Монография открывается "Введением" (В.А. Виноградов), в котором кратко рассматриваются основные именные категории языков Африки и связанные с ними теоретические проблемы. Разумеется, первое место в ряду характерных для африканского ареала именных категорий принадлежит категории именного класса. Несмотря на большое количество разнообразных определений и различных способов интерпретации и использования этого термина и ряда смежных с ним (согласовательный класс, род и др.), основная масса его толкований сводится к двум основным, которые В.А. Виноградов соотносит с именами двух классиков африканского языкознания нашего столетия – Д. Вестермана и А. Клингенхена. В первом из этих толкований (близком к пониманию Д. Вестермана) именной класс выступает преимущественно как лексическая (лексико-морфологическая и/или лексико-семантическая) категория – группа имен, обладающих определенным морфологическим показателем и, возможно, объединяемых некоторыми общими семантическими свойствами. Другая трактовка отождествляет понятие именного класса с понятием согласовательного класса (А. Клингенхен, М. Гасри, Б. Хайне и др.). Такое понимание сближает типичную для Африки категорию именного класса с категорией рода европейского типа. В.А. Виноградов указывает, что два указанных подхода фактически определяют разные

языковые сущности, которые могут присутствовать в языке как совместно (именно так обстоит дело, например, в языках банту), так и порознь (род в ряде европейских языков – только согласовательный класс, языки со счетными классификаторами – только лексические классы).

В языке с развитой системой именных классов эта система выступает как сложная, многоуровневая сущность, отражающая свойственный данному языковому коллективу способ категоризации мира и задающая одновременно семантическую классификацию лексики языка, совокупность согласовательных категорий и набор формально-морфологических типов имени. Такой мощной классной системой, пронизывающей весь строй языка, обладают, в частности, языки банту. Именные классы в банту морфологически выражены в форме самого имени (при помощи специального классного префикса). Морфологический критерий выделения классов дополняется критерием согласовательным: классная принадлежность существительного определяет форму (выбор префикса) его атрибутов (прилагательного, местоимения), а также формы личного глагола (согласуемого с субъектом) и местоимений-заместителей. Столь же развитая система классов представлена в языке фула; формально система фула отличается от систем банту, в частности, тем, что в качестве основного классного показателя как самого имени, так и согласуемых с ним единиц выступают суффиксы. В отличие от языков банту и фула, язык сонгай обладает только чисто формальной (причем достаточно дробной) классификацией имен, противопоставляемых по способам образования форм числа и определенности/неопределенности. Помимо этого, реальные семантические оппозиции, стоящие за этими грамматическими противопоставлениями, позволяя говорить о наличии в сонгай скрытого грамматического противопоставления имен, выражающих дискретные и недискретные сущности (исчисляемых vs. неисчисляемых).

Язык догон обнаруживает лишь отдельные факты, свидетельствующие в пользу наличия скрытых именных классификаций: сюда относятся прежде всего противопоставление определенной группы личных имен всем прочим существительным (двум "классам" имен соответствует два разных способа образования формы множественного числа) и противопоставление реляционных и нереляционных имен, выражающееся в различных способах образования лично-притяжательной конструкции.

2. Класс как формально-морфологическая категория

Описание именных классов в языках с многоуровневыми классными системами начинается с описания морфологической структуры имени; особое внимание при этом уделяется способам маркировки его классной принадлежности. В структуру любого имени *б а н т у* входит классный префикс, который, однако, может быть нулевым, ср. *sango* 'отец, священник' (лингала); возможно также наличие более одного префикса: *ba-mi-nganga* 'врачи' (лингала). Таким образом, структура производного имени в банту состоит из префикса и основы: *li-su* 'глаз' (лингала); производное имя может, кроме того, включать суффиксы (как правило, не более двух) и окончание: *eke-gamb*=*o*¹ 'язык', *oto-tet-o*=*a* 'невеста' (курия); *e-bim-is-em*=*i* 'пробуждение' (лингала). Структура классного префикса может быть довольно разнообразной: Ø, C, V, VC, CV, CVC, VCVC и др. (все варианты восходят к протобантуской модели CV-). В тех случаях, когда основе предшествует форматив, имеющий структуру *V₂CV₁*, возникает проблема интерпретации начального гласного *V₂*: одни исследователи считают его частью классного показателя, другие (в том числе и автор данного раздела [Аксенова, Топорова 1994]) видят в нем значимую морфологическую единицу. Такая интерпретация этого гласного усложняет потенциальную морфологическую структуру имени.

Существительное языка *ф у л а* в простейшем случае имеет как бы обратную структуру: оно включает основу и классный суффикс. Все суффиксальные классные показатели представлены набором алломорфов ("ступеней"), выбор которых определяется сложным набором разноуровневых факторов². Существует достаточно многочисленная группа существительных, не имеющих "материально выраженного показателя класса"; для нее необходимо разрешить вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с существительным без классного суффикса или же в таких "бессуффиксных" формах представлен нулевой классный показатель (нулевой алломорф одного из показателей). Ответ на этот вопрос, по мнению А.И. Коваль, различен для различных типов

¹Знак '=' отделяет окончание.

²В качестве метаймена класса используются формы анафорических классных местоимений, совпадающие с одним из алломорфов ("максимальной ступенью" или т.н. "ступенью деназализации") классных суффиксов.

"нулей": в тех случаях (их, очевидно, большинство), когда согласование такого существительного указывает на его принадлежность к определенному классу (маркируемому в других случаях ненулевыми алломорфами классного показателя), следует постулировать наличие в структуре имени значимого нуля (например, *bagi-Ø* 'ткань', класс O). В то же время в диалекте футаджаллон автору удалось обнаружить необычные для "классного" языка имена, немаркированные по классу, ср. *Mi yidaa fuunye* 'Я не люблю ананас/ананасы'. Такие имена (в большинстве своем заимствованные) не обладают всеми синтаксическими возможностями обычных существительных и не могут употребляться в контекстах, требующих согласования или конкретизации числового значения (ср. **fuunye wel-do* 'вкусный ананас').

Мена классного суффикса в ряде случаев сопровождается анлаутным чередованием, основанным на признаке смычности/несмычности³. Все именные классы распадаются на три группы в зависимости от того, какая ступень представлена в анлауте существительных данного класса. Иногда (особенно у прилагательных) выбор ступени чередования может выполнять смыслоразличительную функцию.

3. Именной класс как синтаксическая категория

Именной класс как синтаксическая категория (согласовательный класс) проявляется в согласовании синтаксических единиц, зависимых от существительного, и замещающих его местоимений. В банту согласуемая единица маркируется префиксом, который либо совпадает с префиксом имени, либо может быть получен из него в результате определенных трансформаций

³Чередуются ряды смычный — несмычный — смычный — пренализированный, причем глухие согласные пренализированными быть не могут, так что для них третья ступень чередования совпадает с первой:

(1)	d	b	g	j
			\\	
(2)	r	w	w y	y
			\\ /	
(3)	nd	mb	ng	nj
p	c	k		
f	s	h		
p	c	k		

(деназализация, редупликация, падение, изменение или появление начальной гласной и др.), подробное описание которых содержится в монографии (с. 32–33). В языке фула согласование собственно по категории именного класса представлено только в атрибутивной синтагме: вершинное существительное определяет выбор суффикса и ступени анлаутного чередования у согласованного атрибута (прилагательного или причастия). Согласование глагола с субъектом и числительного с вершинным именем устроено принципиально иначе и связано скорее с категориями числа, личности и размерности, чем непосредственно с категорией именного класса (см. ниже).

4. Соотношение класса и числа. Семантика числовых оппозиций

Категория числа в языках с именными классами "встроена" в систему классов (числовые значения выражаются классными показателями), что может вызывать дискуссии о том, является ли число в таких языках самостоятельной категорией, следует ли объединять в один класс (и/или относить к одной лексеме) числовые пары и т.д. В "идеальном" языке именными классами каждый класс (имеющий свой уникальный префиксальный показатель) однозначно отнесен к единственному или множественному числу, причем между сингулярными и плюральными классами наблюдается взаимно-однозначное соответствие, а при образовании формы множественного числа префикс плюрального класса вытесняет сингулярный префикс. Именно такое представление о соотношении категорий класса и числа вызывает стремление объединить согласовательные классы, члены которых различаются лишь числовым значением, в особый грамматический класс, который М. Гасри, например, предлагал называть *родом*.

Хотя для языков банту описанная в предыдущем абзаце идеальная картина не столь уж далека от действительности, однако, по-видимому, нет ни одного языка, где бы она в той или иной степени не нарушалась, причем нарушения эти бывают разных типов:

- существуют достаточно многочисленные имена *Singularia* и *Pluralia tantum* и даже целые классы, не имеющие числового коррелята (например, 13 класс в ганда, включающий в основном производные партитивы);

- помимо значения единственности и множественности, в ряде классов реализуется числовое значение *собираемости*;

• в пределах одного класса представлены оба числа (так, например, шестой, плюральный, класс в языке дичиру содержит несколько названий животных единственного числа: *ma-tindo* 'бегемот'; в курия сингулярный 14 класс включает также формы множественного числа диминутивов и др.);

• многие сингулярные классы способны коррелировать с более чем одним плюральным классом и наоборот, что может выражаться как в варьировании форм множественного числа для некоторых существительных (ср. в лингала: *mokuwal/ mikuwal nkuwa* 'кость/кости'), так и в наличии разных типов оппозиций единственного vs. множественного числа: существительные одного класса при образовании множественного числа попадают в разные классы (ср. в лингала: *lobeki* – *mbeki*, класс 11/10, 'горшок/горшки', но *loboko* – *maboko*, класс 11/6, 'рука/руки'); существительные разных классов при образовании множественного числа попадают в один класс (нгомбе: *i-tapi* – *tapi*, класс 7/10, 'ветвь/ветви', *li-ngungi* – *ngungi*, класс 5/10, 'волос/волосы');

• используются нетипичные способы маркировки числовых значений: чередование согласных (наряду с префиксацией, галва), наращение префикса множественного числа без вытеснения исходного префикса (суахили: *ji-tu*, ед.ч., – *ma-ji-tu*, мн.ч., 'великан').

Категория числа в фула также тесно связана с категорией класса, однако имеет вполне самостоятельную грамматическую значимость, что проявляется прежде всего в согласовании глагола-сказуемого с существительным-субъектом. Согласование затрагивает в глаголе только анлаутный согласный, который, подобно анлаутному согласному существительных, участвует в чередованиях по признаку смычности/несмычности (в глаголе представлены только две ступени чередования, несмычная и смычная с преназализацией). Правило глагольного согласования, однако, никак не связано с выбором анлаутной ступени имени: несмычный согласный реализуется при сингулярных классах, смычный с преназализацией – при плюральных.

Количество сингулярных классов в фула (18) заметно превышает число классов плюральных (4), что само по себе делает невозможным установление взаимно-однозначного соответствия между сингулярными и плюральными классами. Относительно простое соотношение между формой выражения единственного и множественного числа можно установить только для личных и

оценочных классов: так, 'личному' классу О практически всегда соответствует лично-плюральный класс BE, а диминутивно-сингулярные классы находят свои плюральные соответствия в классе KON-KOY. В восточном ареале, где сформировался специальный аугментативно-плюральный класс KO-Aug, все аугментативы находят свои плюральные корреляты именно в этом классе. Оставшиеся два плюральных класса принимают все прочие существительные, причем некоторые сингулярные классы при плюрализации расщепляются.

Числовые категории в языках Африки часто имеют существенные семантические отличия от привычного нам числа в европейских именных системах. Если в языках банту нередко реализуется значение собирательности, то, например, в языке локс (кросс-риверская ветвь бенуэ-конголезских языков) даже существуют классы, образующие тернарную оппозицию, ср. *yì-yèp* 'слеза' / *yò-yèp* 'слезы' / *lì-yèp* 'слезы разных людей'. Значение собирательности в определенной степени релевантно и для фула, где собирательное множество лиц часто маркируется внесистемным показателем – 'en' класса BE: *dogotoro* О 'врач' – *dogotorobe* BE 'врачи' – *dogotoro'en* BE 'группа врачей (например, консилиум)'. Интересные наблюдения сделаны В.А. Плунгяном в отношении языка догон: в основе категории числа в догон лежит идея качественной неоднородности множества; так, при упоминании однородного недифференцированного множества объектов, а также в случае нереперентной интерпретации именной группы показатель множественности не употребляется, но зато употребляется для выражения качественной ('вина') и аппроксимативной множественности ('X и другие объекты, подобные X-y'). Еще более сложные числовые соотношения выражает категория множественности в сонгай (В.А. Виноградов): для существительных, обозначающих недискретные сущности, основным дифференцирующим признаком является признак тотальности vs. парциальности охвата множества (*hard mun hugd ra* 'В доме разлилась[вся] вода' – *harey mun hugd ra* 'В доме разлилось [немного] воды'), для существительных с дискретным значением релевантным является либо признак единичности vs. множественности объектов, либо противопоставление неограниченности vs. ограниченности рассматриваемого множества (ср. *Taahiru gonda haw* 'У Тахиру есть коровы' – *Taahiru go*

nda hawayan 'У Тахиру есть [некоторое количество] коров').

5. Категория оценочности в системе классов

Еще одна категория, "встроенная" в систему именных классов, — это категория оценочности (дими́нүтив/аугментатив, а также пейоратив/амелиоратив). Для языков банту характерно наличие собственно или преимущественно оценочных классов (собственно дими́нүтивные классы: 12, 13, 19; собственно аугментативные: 20, 21, 22). Значения субъективной оценки (по признаку "хороший" ~ "плохой") не имеют собственных классов, причем если пейоративное значение реализуется достаточно часто (нйха: *ijumba* 'плохой дом', ньоро: *ekigwagwa* 'дурак'), то амелиоративное (лаудативное) значение самостоятельно выражается лишь в единичных случаях (бемба: *limukolwe* 'великолепный петух'). Чаще всего как пейоративное, так и лаудативное значение выступает в комбинации со значением дими́нүтива или аугментатива, ср.: *aga-nto* 'маленькая плохонькая вещь' (пейор. + димин.) в курия; *oomuhene* 'большая уродливая коза' (пейор. + аугм.) и *eehihene* 'маленькая хорошенькая козочка' (лауд. + димин.) в ши; *eesaana* 'толстый здоровый ребенок' (лауд. + аугм.) в ши. Наличие той или иной комбинации значений размерности и субъективной оценки позволяет выявить некоторые фрагменты картины мира носителей языка.

В языке фула наиболее развитой является категория дими́нүтива: существует общефульская пара специально дими́нүтивных классов NGEL vs. KON-KOY (*horde* 'тыква, калеваса' — *korel* ед. ч. ~ *koron/koroy* мн. ч. 'маленькая калеваска'). В некоторых диалектах наряду с этой парой существует также специальный мизерно-дими́нүтивный класс (NGUM в восточном ареале, KEL в футаджаллон), в котором значение размерности ('предельно малые, сниженной значимости объекты') часто сочетается со значением пейоративности (ср.: *sui-du* 'дом' — *siur-el* 'домик' — *siur-um* '(убогий) домишко'). Еще один класс с дими́нүтивной семантикой — общефульский дими́нүтивно-партитивный класс KAL: *con-ndi* 'мука' — *con-al* 'немножко муки'.

Категория аугментатива столь же широко распространена в фула, однако специального сингулярного аугментативного класса не существует. Наиболее продуктивным способом образования аугментатива на об-

щефульском уровне является переход имени в класс NGAL (*waa-re* 'борода' — *bah-al, ba'al* 'большая борода'). Плюрализация аугментатива может идти разными путями: наиболее характерным здесь является, пожалуй, стремление противопоставить плюрално-аугментативные формы нейтральным по "оценочности" (в терминологии А.И. Коваль, "размерности") формам множественного числа. Однако в восточных диалектах фульфульде имеется специальный аугментативный плюралный класс КО-Aug.

Категория оценочности в фула проявляет себя и как синтаксическая, согласовательная категория: при согласовании числительного с существительным выбор формы числительного определяется личностью/неличностью и дими́нүтивностью/недими́нүтивностью имени-контролера (всего представлено три модели нумеративного согласования — для лиц, для дими́нүтивов и для прочих существительных, причем в восточных диалектах имеется и четвертая модель согласования — для аугментативно-плюралного класса КО-Aug).

6. Прочие именные категории

Категории одушевленности и/или личности в той или иной степени релевантны для большинства языков Африки.

В банту категория личности проявляется в основном через семантику именных классов: "личные" классы (1, 1A, 2, 2A) принадлежат к числу семантически наиболее однородных, так что признак личности может быть признан грамматически релевантным. Категория одушевленности проявляется скорее в тенденции к формированию парадигмы "одушевленного" согласования, в основном в языках межэтничского общения [Охотина 1985].

В фула несомненно грамматически релевантной является категория личности, контролирующая согласование в нумеративной группе (см. выше). При этом фула также располагает парой личных классов, причем если лично-сингулярный класс О включает и достаточно обширный неличный подкласс (формируемый в основном за счет процессов заимствования), то лично-плюралный класс в этом отношении достаточно однороден. С другой стороны, практически все имена, обладающие семантическим признаком личности, попадают в эти классы; исключения (*maamaare* NDE 'старуха', *daakaare* NDE 'холостой человек') немногочисленны и могут быть объяснены неполноценностью социального статуса

данных лиц. Категория личности в определенной степени релевантна и для языка догон, в котором, как уже упоминалось выше, группа наименований лиц (с суффиксом *лe* и некоторые другие) имеет свой, суффиксальный, способ образования множественного числа. Еще одна встроенная в класс категория, лишь вскользь затронутая в рецензируемой работе (в разделе, посвященном языкам банту) — это категория *локатива*, реализующаяся в банту в нескольких классах и маркирующаяся, помимо классовых префиксов, специальным суффиксом *-ini*, который может выступать как самостоятельно, так и в сочетании с локативным классовым префиксом. Помимо категории класса и связанных с ней, в монографии кратко рассматриваются категории референциальности (сонгай) и падежа/контрастивности (догон).

7. Проблема семантического описания состава классов

Важной частью описания системы именных классов является описание лексической семантики каждого класса в отдельности. Именно такое описание позволяет представить систему именных классов не только как чисто грамматический феномен, но и как явление более глубокого, когнитивного уровня — способ членения и категоризации действительности.

Семантические признаки, формирующие состав именных классов, в основном сходны в языках различных групп и ареалов. Это прежде всего признаки, связанные с положением объекта на шкале "одушевленности" (лицо/не-лицо, одушевленное/неодушевленное, предмет/субстанция), а также признаки, связанные с формой предметов, структурой и консистентией веществ.

Так, в банту можно выделить около 35 основных лексических групп, таких как человек, животные, растения, предметы обихода, части тела и др., которые имеют тенденцию к выражению в определенном классе/классах. В абсолютном большинстве случаев, однако, подобного рода закономерности существенно неоднозначны, поэтому, как замечает И.Н. Топорова, достаточно простое описание семантики классов языков банту в целом на синхронном уровне, по-видимому, невозможно. Если наименования лиц обычно попадают в 'личные' классы 1,1A/2, то слова из семантической группы животных можно встретить как в "классе зверей" (9), так и во многих других (например, в классах 3, 5, 7 и их множественных коррелятах). Далеко не все классы обладают достаточно четкой семан-

тической характеристикой ("классы лиц" 1, 1A/2, оценочные классы 12, 13, 19, 20–22, локативные классы 16–18, "инфинитивный класс" 15).

И.Н. Топорова считает, что проблема лексического состава именных классов может быть решена только с привлечением данных диахронии. Исследование лексем протобанту позволило ей выделить пять основных способов их распределения по классам: (1) одна исходная лексема распределяется в разных языках по нескольким именным классам, сохраняя одно значение (400 лексем из 650); (2) исходная лексема находится в разных языках в одном-двух классах и сохраняет при этом одно значение (одна пятая всех лексем); (3) лексемы попадают в один класс, но с разным значением (в большинстве случаев связь значений сохраняется, около одной шестой всех лексем); (4) лексемы попадают в новые классы, отсутствовавшие в протобанту, развивая при этом новые значения (около 6% всех лексем); (5) оставшиеся лексемы (около 15) представляют более сложные случаи. Заметим, что продолжение диахронических исследований, как бы ни была высока его научная ценность сама по себе, не отменяет необходимости принятия определенного синхронного решения о семантическом статусе именных классов в банту, которое в принципе не обязательно должно быть идентичным для всех языков данной группы.

Проблемы описания семантики именных классов в фула во многом сходны. Один из возможных путей их разрешения — использование весьма продуктивного, на наш взгляд, противопоставления лексических *конгломераций* и деривационных *ниш*, введенного А.И. Коваль [Коваль 1994]. *Конгломерация* объединяет имена, в общем случае непроеизводные на синхронном уровне и "доказавшие при диалектном сравнении свою приверженность к классификации именно по данному классу" (стр. 165). Сравнение значений таких имен позволяет выделить основные семантические признаки, лежащие в основе классного членения. *Деривационная ниша*, напротив, объединяет имена, "попавшие" в тот или иной класс в результате некоторой продуктивной деривации (образование аугментатива, сингулятива, образование отглагольного существительного и др.), причем имена, входящие в определенную деривационную нишу, могут соответствовать или не соответствовать семантике "ядерного" конгломерата данного класса.

В большинстве случаев лексический состав именного класса достаточно полно опи-

сывается как совокупность некоторого количества конгломераций и деривационных ниш. Семантические признаки, объединяющие конгломерации, могут быть как обычными (так, например, классы O и BE характеризуются как классы л и ц, KI – как класс деревьев, одну из ядерных конгломераций класса NDI составляют названия веществ), так и весьма изысканными (например, конгломерация хаотично, непрямолинейно движущихся и одновременно неприятных живых существ, таких как червь, пиявка, оса и т.п., в классе NGU). Ряд конгломераций объединяет предметы на основе их формы и размера (мелкие округлые предметы в классе NDE, предметы цилиндрической формы в классе NDU и т.д.), а также консистенции и структуры ("класс жидкостей" DAM, объекты рыхлой неоднородной структуры в классе KO). Обращает на себя внимание особая выделенность в системе классов важнейших понятий культуры фульбе, таких как "молоко" и "вода" (образующих лексическое ядро конгломерата жидкостей), "корова" (класс NGE – "класс коровы, солнца и огня", класс KOL – "класс теленка") и др. Ряд классов в сильной степени или полностью определяется через представленные в нем деривационные ниши: класс NDE (сингулярная деривационная ниша, хорошо согласующаяся с представленной в классе конгломерацией унарных объектов), класс NGAL (аугментативно-сингулярная ниша, согласующаяся с конгломерацией массовых предметов), класс KAL, диминутивно-партитивный класс KAL, диминутивно-сингулярный класс NGEL и т.д.

8. Проблема заимствований

Адекватное описание процесса освоения заимствованных слов – слов, не имеющих собственной классной характеристики, – не только составляет часть собственно языкового описания, но и позволяет пролить свет на семантические принципы, лежащие или некогда лежавшие в основе классного членения. Теоретические допустимы четыре основные стратегии освоения заимствований:

1) слово попадает в тот именной класс, которому соответствует его фонетический состав (в результате переразложения морфемной структуры имени в нем вычленяется показатель некоторого класса) – "фонетический принцип";

2) класс заимствованного слова определяется на основе его лексического значения – семантический принцип;

3) заимствованные слова собираются в некоторый "класс-поглотитель" (один или несколько);

4) допускается существование имен, не оформленных по классу (этот, маргинальный, случай впервые обнаружен А.И. Коваль, см. выше).

Так, в языке тсонга (Южный Мозамбик; раздел написан А.Д. Луцковым) семантический принцип соблюдается в отношении классов 1/2, куда попадают исключительно названия людей (*muprista* < англ. *priest* 'священник'), а также для класса 15 (названия действий или процессов), куда попадают при заимствовании глаголы, получающие при этом префикс 15 класса *ku-*, ср. *ku-lera* < порт. *ler* 'читать'. Классы 5/6 в тсонга выполняют роль класса-поглотителя (*letela* < англ. *letter* 'письмо', *fasitela* < афр. *venster* 'окно'), однако для части заимствований определенную роль сохраняет и семантический принцип: поскольку этот класс объединяет предметы круглой формы, слова, соответствующие предметам типа "колесо" (*wila* < англ. *wheel*), "мяч" (*bolwe* < порт. *bola*), "апельсин" (*lalandji* < порт. *laranja*) при заимствовании попадают именно в него. Класс 7/8 (префиксы *chi-lbsi-*), также включающий много заимствованных существительных, строго выдерживает при заимствовании фонетический принцип: в него попадают слова, имевшие в языке-источнике *st*, *sp*, *sk* в начальном слоге (*chitulo* < афр. *stoel* 'стул', *chikalo* < афр. *skaal* 'весы').

В заключение обзора позволим себе несколько замечаний общего характера. Рецензируемая работа подготовлена в основном сотрудниками отдела африканских языков Института языкознания РАН – уникального коллектива ученых, сочетающих высокий теоретический уровень исследований с глубоким проникновением в языковой материал. Сборник несомненно можно считать еще одним доказательством высокого профессионализма и большого творческого потенциала его участников. К числу его достоинств принадлежит не только прекрасное – ясное, последовательное, выполненное на современном теоретическом уровне – описание фактического материала, в том числе не описанного ранее, но и ряд теоретических выводов, имеющих несомненную ценность как для африканистики, так и для лингвистической теории в целом.

В то же время можно заметить, что книга в целом напоминает скорее сборник статей по определенной тематике, чем коллективную монографию, подготовка которой предполагает наличие единой теоретической концепции и опре-

деленный параллелизм в структуре ее описательных разделов. В данном случае дело обстоит не совсем так. Достаточно подробное описание именных систем и сходство структуры описания наблюдается только для разделов, посвященных языкам банту и фула. Авторы прочих разделов скорее выделили то, что показалось им наиболее интересным (важным, новым) в рамках заданной тематики, оставив все прочее в тени, поэтому реальное сравнение именных систем по приводимым ими данным вряд ли возможно. Так, раздел о языке догон отличается чрезмерной лаконичностью, а раздел о сонгай в основном посвящен одной, хотя и важной проблеме – семантической интерпретации так называемых противопоставлений по числу и определенности. Некоторый теоретический разбой в работе, создаваемой группой сложившихся, самостоятельных исследователей, также вполне объясним, но плохо воспринимается в рамках пусть коллективной, но все же монографии. По-видимому, критику такого рода следует обращать скорее в адрес названия книги, которое выглядит чрезмерно обзывающим. Действительно, заголовок "Основы африканского языкознания" предполагает, в частности, гораздо более широкий охват представленных на африканском континенте языковых семей и групп (в сборнике,

например, полностью отсутствуют данные о языках койсанской семьи, а знакомство с нило-сахарской семьей ограничено языком сонгай, генетическая принадлежность которого до сих пор установлена не вполне надежно), а также более подробное их описание, в идеале выполненное по единому плану. Примером такого описания мог бы послужить действительно блестящий (и одновременно самый подробный) раздел сборника, посвященный языку фула.

Все сказанное, однако, затрагивает не столько то, что есть в монографии, сколько то, чего в ней не хватает; то же, что читатель в этой книге найдет, будет безусловно интересно не только для специалистов по языкам Африки, но и для лингвистов других профилей, прежде всего для типологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенова И.С., Топорова И.Н. 1994 – Язык курия. М., 1994.
- Коваль А.И. 1994 – Деривация существительных и класс: тенденции развития // Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журынского. М., 1994.
- Охотина Н.В. 1985 – Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. М., 1985.

Н.Р. Сумбатова